

Геленджик
Чудеса в Решете
Исторические Фотографии

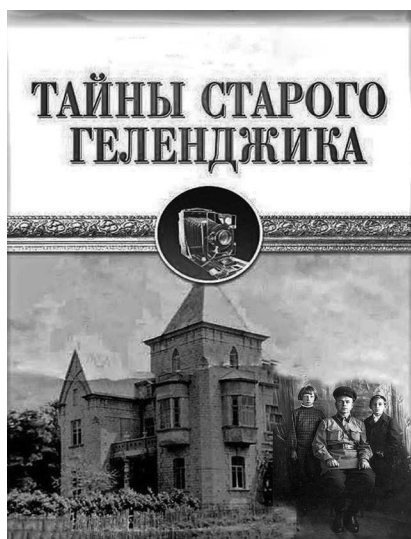
Елена Булат

ISBN-13: 978-1-950311-04-0
AllRightsReserved@2019ElenaPankey

Содержание

Предисловие	3
Памятные места	4
Первые Улицы	8
Порт	9
Старые Купальни	16
День Белой Ромашки	18
Калейдоскоп	20
Виноградник	27
Море	29
Чайка	34
Украденные Фотографии	39
Об Авторе	45

Предисловие

«Геленджик. Чудеса в Решете. Исторические Фотографии» - первая книга из серии историко-биографических книг о старом Геленджике. Книга вторая «Чудо Пицундской Сосны», её вариант «Геленджик. Танго Моей Матери», и книга третья «Геленджик-Ленинград. Петербургские Песочные Замки».

Символы легко узнаваемы русской интеллигенцией, воспитанной на метафорах и иносказаниях. «Чудеса: в решете дыр много, а вылезти некуда». Этот фразеологизм означает что-то удивительное, не поддающееся объяснению. Еще в XVI веке у многих народов распространилось редкое гадание с решетом. Гадающий держал решето за нить так, чтобы оно могло медленно поворачиваться. На ободке решета делалась риска (засечка). Имена подозреваемых были написаны на отдельных бумажках и лежали кругом на столе. На чье имя укажет засечка решета, того и объявляли вором. В России такой способ гадания был чрезвычайно распространен на рыночных площадях. Гадальщики, насыпав в решето разноцветные зерна, встряхивали решето и по расположению зерен предсказывали будущее. Чтобы сильнее впечатлить наивных зевак и придать гаданию большую магическую силу, они что-то нашептывали, выкрикивали, жестикулировали.

Стремясь выманить побольше денег, гадальщики сочиняли самые фантастические истории, предрекая простодушным слушателям всякие чудеса. Такие шарлатанские предсказания с насмешкой назывались чудесами в решете.

Я еще в юности, задумываясь о своих приключениях, поняла, что действительность часто оказывается совсем не тем, чем кажется на первый взгляд. Тогда в суете жизни лучше всего было бы вести дневник событий, как это позже делала моя смышлёная внучка. Но это требовало особого труда, а у меня в России всегда была очень насыщенная жизнь с постоянными увлечениями и переездами. Не оставалось ни дня чтобы остановиться, оглянуться, задуматься. Но самое главное, я боялась заглянуть в болезненную глубину памяти, оглянуться в трагедии прошлого, вернуться в то время, когда недалеко от памятника Лермонтову, в районе нынешней «Арки Любви» на танцевальной площадке встретились мои родители.

Всю мою жизнь я строила песочные замки, мечтала и верила

в чудеса. Непрочные замки рассыпались, а я опять начинала строить новые даже под угрозой огромной волны, которая вот-вот могла смыть все мною созданное. Я никогда не сдавалась. Главным был процесс, который меня радовал и помогал переживать трудности.

Вокруг нас живут чудеса и их надо пытаться разглядеть. Чудеса станут живее, если каждое событие воспринимать с положительной стороны, стараться увидеть во всем свет и радость. Вот как-то пришло время, когда я вырвалась из плена обид, а также мне не нужно было биться за выживание, как прежде. Я жила в спокойной заокеанской тишине, вдали от всяческих передряг, водила своих собачек на прогулку вокруг нашего ранчо, стреляла в шакалов, гремучих змей и распугивала ворон. У меня была собственная школа танцев, где я учила всех желающих танцевать для всеобщего удовольствия.

Однажды я села за компьютер и в течение двух лет записывала свои истории. Главное в жизни любого человека, думала я, - выращивать, лелеять и хранить в душе чувство любви. Это внутреннее теплое, благотворное чувство поможет преодолеть много неприятного. Необходимо любить тех, кто рядом, друзей, домашних животных, выращивать растения, беречь природу, иметь собственные увлечения и интересы. В этой внутренней любви и есть главный смысл жизни.

Памятные места

Геленджик один из красивейших городов на Черноморском побережье Кавказа. Он раскинулся на берегу одноименной бухты в окружении живописных горных вершин хребта Маркотх (с адыгейского – «ягодный», «ежевичный»). Действительно, вокруг всегда было огромное количество ежевики, потрясающе вкусной ягоды, насыщающей нас все лето витаминами.

Вообще-то, земли Геленджика были населены со времён каменного века. До сих пор в горах можно найти мегалитические сооружения – дольмены, возведенные около 3 тысяч лет до н.э. Мой дед сделал фотографию одного из них, надписав справа в углу своими красными чернилами используя шрифт: “Геленджикъ. Древній каменный домъ богатырей“. Пока он делал фотографию, я собирала ежевику, что росла слева от дольмена и очень сильно удивлялась этому сооружению. И позже мы часто их находили в разных местах на горах, когда туда поднимались с ребятами. Всегда удивляло, как и кем были

сооружены такие тяжеленные громады, каким образом выточены и поставлены друг на друга совершенные формы камней.

Тогда в народе существовала легенда, что трогать дольмены нельзя во избежание несчастий. Но некоторые из долмен были как-то открыты и их тяжеленные “двери” с круглыми отверстиями валялись рядом. Некоторые туристы пытались залезть внутрь через эти отверстия, но внутри уже ничего не было. В местном городском музее мы видели экспозицию, скудные сведения, кое-какие фрагменты того, что находили у дольмен.

«Возможно здесь, по пути в Колхиду, останавливался легендарный герой Илиады - Ясон. В VI в. до н.э. греки основали на берегу Геленджикской бухты небольшую торговую колонию и назвали это поселение - Торик или Торикос. О нем упоминает греческий географ Скилак Кариандский (480— 522 гг. до н.э.). Торик лежал на оживленном морском торговом пути, о чем свидетельствуют пантикапейские и боспорские монеты, фрагменты древнегреческих сосудов, найденные на берегу бухты. Греков сменили римляне и в 63 году до н. э. город стал называться Пагры а в бухте появились римские либурны и торговые суда. Колония существовала более девяти столетий, до того времени, когда гунны в середине IV века опустошили и разрушили города Причерноморья.

В летописях говорилось, что в 4 веке до н.э. на побережье Геленджикской бухты существовал греческий порт Торик, затем византийские города Пагры и Ептала. С 15 века поселение входило в состав Османской империи. В 1829 году Геленджикская бухта отходит к России, а в 1831 году здесь была основана русская крепость Геленджик, которую генерал Е. А. Берхман создал как Геленджикское укрепление в составе черноморской береговой линии. Теперь трудно представить, что здесь когда-то могла свирепствовать малярийная лихорадка. А охотников по собственной воле переселяться в “труднодоступные и гиблые” места Черноморского побережья было мало. Царское правительство даровало немалые льготы первым поселенцам. Вскоре на постоянное жительство с парусных фелюг на берег сошло несколько десятков греческих семей.

Говорят, что в сентябре 1837 года через Геленджик проехал император Николай I в сопровождении наследника. 20 сентября они прибыли в Геленджикскую крепость из Крыма на судне «Полярная звезда», чтобы в непогожий день 23 сентября провести царский смотр. По одной из версий в этом же сентябре 1837 года Михаил Юрьевич

Лермонтов морским путём из Тамани прибыл в Геленджик, где тогда располагалась ставка генерала Вельяминова. А затем, пройдя через горы вместе с походной колонной отряда, сопровождаемой редкими горскими выстрелами, Лермонтов прибыл в Ольгинское укрепление. Позже тот же путь проделал и его литературный персонаж, Григорий Александрович Печорин.

В школе, перед тем как читать роман “Герой нашего времени”, мы сначала находили это упоминание и, наслаждаясь, перечитывали его. Мы очень гордились тем, что Лермонтов действительно побывал в нашем городке по пути на Кавказ. А зачем бы он тогда упоминал его в своем романе? Во время Крымской войны русские вынуждены взорвать и покинуть крепость. В 1857 году разрушенная крепость возвращается к России. В 1956 году у нас в городе на набережной и был поставлен первый памятник Лермонтову недалеко от Северного мостика. Ленинградский скульптор Леонид Михайлович Торич создал этот памятник в бетоне. Место стали называть Лермонтовский бульвар, а памятник стал символом города и входил в любой набор открыток о Геленджике.

В период моего детства дальше этого Северного (Лермонтовского) мостика были только лабиринты таинственных, укромных тропинок над крутыми спусками и редкими скамейками для отдыха. До 1967 года сам бульвар представлял собой обычную грунтовую дорожку, связывавшую город и поселок Солнцедар. Там было так таинственно, приятно и чудесно побродить, пропадая среди зелени сосен и дубов, любуясь красотой крутых обрывов к морю. Там в 1950х моя мама встречалась с моим будущим отцом и там же гуляла будущая жена моего дяди Адика - Дуся. Когда дед уже проявил пленку, и куча фотографий лежала у него на столе, Дуся как-то так запросто зашла в его комнату. Она, к моему удивлению, попросила отдать ей одно фото, на котором она написала: “Привет из Геленджика. Лермонтовский Мост.” А потом Дуся послала свою фотографию её жениху Адикю, который тогда служил во флоте.

Эти места с задумчивым Лермонтовым так высоко стоящим над морем, ярко впечатались в мою память, как и некоторые таинственные события, которые я там переживала. Как-то в середине 1950х на Лермонтовском бульваре было факельное шествие и костюмированный карнавал. Моя бабушка, имеющая мало развлечений в маленьком городке, очень хотела все это увидеть и уговорила своего мужа туда пойти. Сначала в опускающемся на город закате все казалось радостным

и чудесным. Но вот вокруг нас собралось огромное количество людей в странных масках. Коптящиеся черным дымом факелы душили своим едким запахом. В разогретом за день летнем воздухе, угаре и шуме стало очень тесно и практически нечем дышать. Хотя бабушка и взяла меня на руки, но мне все это было невероятно неприятно и страшно. А когда эти уродливые маски стали приближаться ко мне и что-то орать мне прямо в лицо, я не выдержала и сама заорала от

ужаса. Дед разозлился, и бабушка унесла меня домой. А потом мне часто вспоминался этот мой испуг от шума, замкнутого пространства и душного воздуха. Позже, традиция карнавалов возродилась. Они стали любимым развлечением летнего времени.

Именно набережные стали благоустраиваться в первую очередь и там создавались самые красивые уголки города, строились дома отдыха и санатории. Эти набережные всегда были самым любимым местом для прогулок и многие там часто фотографировались.

Много лет спустя, гуляя по набережной у памятника Лермонтову, я попросила

случайного прохожего сфотографировать меня, захватив в кадр как можно больше всего того что было вокруг. Я встала у парапета, держа в руке чехол от своего фотоаппарата, и стала смотреть на

море (справа в углу). Вот он и сфотографировал санаторные мостики для купающихся.

Последний раз мы побывали в Геленджике в 1996 году, когда я, приехав из-за границы, взяла свою семью навестить мой родной город. Мне хотелось побродить напоследок по его прекрасным местам и встретиться с дорогими мне людьми еще там живущими.

Первые Улицы

Для моего деда фотографирование в действительности было его приятным увлечением, радостью и занимало всё его свободное время. Он никогда не расставался с фотоаппаратом, делая снимки всего, что видел вокруг. А потом он проводил много времени, печатая карточки. Старые альбомы моего деда и разные его коллекции были как кино для меня. В них я искала впечатления, приключения и таинственные события. Большая часть старых фотографий в этой книге сделана моим дедом, Филимоновым Миной Филимоновичем, а также позже и персонально мною. Здесь так же использованы некоторые старые открытки, которые когда-то в моем детстве принадлежали моему деду и хранились в его столе, в его альбомах. Старейшая улица проходила вдоль реки Су-Аран, носившей достойное имя начальника Черноморской береговой линии - Н.Н. Раевского (младшего) - ныне Островского.

Улица Ленина, имевшая несколько названий: Шоссейная, Центральная, Дондуковское шоссе (Дондуков-Корсаков - главнокомандующий на Кавказе). Сюда выходили торговые дома и лавки, престижные гостиницы, частные школы, кофейни, книжный магазин. В 1903 году в газете “Черноморское побережье” появились первые заметки о ней. Как о большом событии газета писала о появлении на Шоссейной улице нескольких фонарей. А вскоре появилась и ругательная заметка, только к последнему “философски” отнесся сельский староста:

“Эка беда стряслась. Канава издает убийственное зловоние: вода в ней стоит, и покрылась гнилой зеленью. Погоди, солнышко пригреет, вода в канаве высохнет, зловоние само собой пройдет, и дело с концом. Чего тут писать не понимаю...” Эта улица-дорога Шоссейная пересекала Геленджик под углом и шла параллельно Маркотхскому хребту. Она проходила по нынешней улице Луначарского, сворачивала на ул. Ленина (Дондуковское шоссе) и, дойдя до порта, сворачивала на улицы Первомайскую, Тельмана, Островского, выходя к предгорьям

Маркотха и далее к югу. Перечисленные улицы были первыми, на которых появились дорожное покрытие и примитивные водостоки. С них и началось благоустройство наших улиц, а также площади перед портом, занимавшим ее приморскую часть. Современная улица Мира

называлась улица доктора Гааза, который построил лечебницу для бедных и школу для заключённых. Улица Революционная называлась Южный бульвар. Одна из пешеходных улиц в центре Геленджика – красивейшая улица Ангулем (Курортная) - в честь старинного

французского городка-побратима (Ангулем, Франция). А жители Ангулема с удовольствием отдыхают в тенистом парке под названием «Геленджик». Договор об установлении дружественных связей с Геленджиком подписан в 1977 году.

Порт

С раннего утра в районе порта стали раздаваться сильные, низкие гудки военного корабля. Это было чрезвычайное событие, и соседи побежали туда, надеясь встретиться со своими сыновьями. Бабушка стала говорить деду, чтобы и он пошел в порт: “Может Адик там?” Адик - это мой дядя, военный моряк, и он давно не был дома. Наконец дед, взяв свой фотоаппарат, с которым он никогда не

расставался, пошел в порт. И я уговорила его взять меня с собой.

Придя в порт, мы спустились по каменистому пролому вниз к воде. Дед поставил меня у пристани и попросил сделать фотографию, когда он будет у кораблей. Он

тогда еще спросил меня, поняла ли я то, что нужно нажать. Но его голос как всегда был очень строгий, я боялась ему противоречить и только

кивнула головой. А потом, увидев деда наверху, я быстро нажала ту кнопку, что он мне показал. Вернувшись ко мне, дед строго спросил сделала ли я фотографию, но голос не предвещал ничего хорошего для отрицательного ответа и я опять кивнула.

Только дома, когда он проявил пленку и увидел свою спину, он зло меня отругал, что было очень неприятно: я же старалась. Вот и остался спиной к нам на той фотографии мой молодой дед. Я вижу его слева первым на пристани в его военной фуражке, темно-зеленых офицерских штанах, слегка сморщенных, но начищенных до блеска сапогах и в тяжелом, непромокаемом плаще-накидке. Он всегда так одевался в непогоду.

Позже дома, напившись чаю и успокоившись, дед показывал мне его старые фотографии со всякими интересными кораблями (такими как «Русь») приходившими в Геленджикский порт. А если он был в хорошем настроении, то и баловал меня рассказами об их истории. Мне так часто давали смотреть на эти старые открытки, что они как бы совместились в моем сознании, слившись в одно время с настоящим, а я стала их участницей.

Глядя на старые открытки деда, я удивлялась огромным кораблям и парусникам, приходившим в сравнительно небольшую бухту, их приключениям и как много важных персон побывало в Геленджике. Множество старых фотографий было сделано Александром Кривонос, студия которого была рядом с портом. Он особенно любил делать снимки, когда большие суда пришвартовывались рядом с местными парусниками. Мне особенно удивительно было видеть фотографию парусников, на которых в Геленджикский порт прибывал Николай 1, а потом и Александр III со свитой. Тогда и пристань обновили, настелив новые доски. И вообще, все вокруг привели в блестящий порядок.

Потом как-то я читала о прекрасных, но рано погибших кораблях, которые я знала по открыткам. «Геленджик посещается 6 раз в неделю пароходами Русского Общества Пароходства и Торговли. Единственное неудобство Геленджикской бухты было отсутствие пристани. Пассажиры перевозились на фелюгах от парохода к пристани с платой по 15 коп. с человека».

Кроме пароходов Русского Общества Пароходства и Торговли, что было недалеко от нынешнего порта, сообщение Геленджика с Новороссийском поддерживалось на катерах «Князь Оболенский» и «Отважный», которые совершали ежедневные рейсы с мая по октябрь. «Плата в I классе – 85 к., во II – на палубе – 50 коп. Рейсы